

УДК 316.334.55 (470)

ОТ СОЦИОЛОГИИ СЕЛА К СОЦИОФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ В XXI ВЕКЕ

© 2012 г. А. А. Хагуров

Сектор социологии села ИС РАН, г. Краснодар

В статье дан обзор исследований по социологии села, выполненных в России и за рубежом в последние десятилетия. Развивается идея о больших перспективах сельской модели жизни людей, в решении стоящих перед человечеством социально-экономических и экологических проблем.

Ключевые слова: село; сельские поселения; социальные функции села; экологические проблемы; техносфера; социофилософия.

In the article author presents the review of the countryside sociological researching in Russia and other countries for last ten years. Author develops the idea of countryside lifestyle model as of a hopeful lifestyle, which can be a way to solve a number of mankind's social, economic and ecological problems.

Key words: countryside; village; social functions of the countryside; ecological problems; technosphere; social philosophy.

Американская социология дважды обращалась к исследованию социальных аспектов агросферы.

Первый раз к этим проблемам вплотную подошёл в 20-х годах XX в. Роберт Парк, которого считают одной из центральных фигур Чикагской школы американской социологии. В 20-е годы предложенный им экологический принцип стал господствующим в Чикагском университете. Он рассматривал общество в качестве элемента единого экологического комплекса. Задача исследователя заключается в том, чтобы определить условия равновесия или неравновесия этого комплекса, ограниченного географической близостью. И хотя пространством этого комплекса рассматривалось урбанизированное городское пространство, большое значение социально-экологических идей Р. Парка для аграрной социологии бесспорно. Не случайно написанное им в соавторстве с Э. Берджессом (на 1 000 страницах) «Введение в науку социологии» в течение почти 20 лет называлось не иначе, как «Зелёная Библия».

Р. Парк с коллегами представляли социально-исторический процесс как динамиче-

ское поддержание равновесия общества со средой. Популяция и среда постоянно находятся в состоянии динамического равновесия.

Становление социальной экологии в трудах Чикагской школы знаменовало достижение единства во всей системе научного знания.

Р. Парк на основе экологического подхода предложил следующую схему анализа общественных отношений:

- социальный порядок (4);
- политический порядок (3);
- экономический порядок (2);
- экологический порядок (1).

Из этой схемы следует, что экологический порядок выступает естественной базой всех общественных отношений, исходным условием функционирования и развития общества [1, с. 542–548].

В 1930–1950 гг. важные для аграрной социологии идеи развивали социологи Колумбийского университета. Здесь сложилось направление, получившее название «Культурализм». Представители этого направления полагали, что функционирование и сущест-

вание общества определяется тем, как индивиды усваивают культурные модели, ибо между структурой личности и структурой общества существует функциональное отношение.

Ведущие социологи культуралистского направления Линтон и Кардинер предложили следующую схему культуралистской базы общества:

— отдельное общество характеризуется культурой, а не материальным производством;

— культура определяется совокупностью культурных черт;

— связность этих черт берёт начало в системе господствующих ценностей, которые образуют модель;

— совокупность черт интериоризируется индивидом в форме базовой личности.

Таким образом, культура дает индивидам модели поведения, которые обуславливают одновременно интеграцию и выживание общества.

Эффективность культуралистского подхода ярче всего проявилась при изучении местных сообществ, представленных мелкими населенными пунктами — деревнями и малыми городами. Первым крупным исследованием такого рода стала работа супругов Роберта и Элен Линд «Мидлтаун. Изучение американской культуры» (1929 г.). Это было монографическое, качественное по преимуществу исследование, способствовавшее появлению подобного рода работ. Во Франции это работы Люсьена Берно и Рене Бланкар «Нувиль, французская деревня» (1953 г.), Лоранса Вили «Деревня в Воклюз» (1957 г.), Эдгара Морена «Коммуна во Франции. Перемены в Плодеме» (1967 г.).

Франция стала одним из центров развития аграрной социологии, что было вызвано тяжелыми социальными последствиями сельскохозяйственной модернизации. Достаточно отметить, что после 1950 г. французское крестьянство сократилось с 5 млн. до 800 тыс. человек.

Обращают на себя внимание работы Андри Мендра (1927–2003) по аграрной социологии. В 1953 г. он опубликовал «Исследование сельской социологии», а в 1967 г. — «Конец крестьянства». А. Мендра выделяет

следующие основные черты сельских микрообществ:

— ограниченное пространство и относительная автономия в отношениях с глобальным обществом через три основных института: школа, мэрия и церковь; причём эти отношения носят более или менее конфликтный характер;

— экономическая специфика: сельскохозяйственным преобладанием и семейными предприятиями;

— отношения близкого знакомства (ежедневные встречи, пересуды, ритуалы и т. д.), отмеченные предсказуемостью;

— стабильность социальных отношений: традиция играет важную роль, а группа утверждает идентичность и местную культуру [1, с. 66–684].

Из исследований, проведённых на Востоке и Азии, обращают внимание два: первое — «Китайская деревня глазами этнографа» Фэй Сяотуна, в которой изложены результаты сравнительного изучения одной из южнокитайских деревень. Первое исследование автор провел в 1930-е годы, затем сравнил его результаты с измерениями, осуществлёнными в 1950–1980-е годы.

Почти одновременно проводил исследование индийской деревни Рампуру на юге Индии индийский учёный М. Н. Шринивас.

Он, как и Фэй Сяотун, был учеником Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна. Поэтому это исследование, как и исследование китайского учёного, в основном носило этнографический характер. Но тогдашние успехи социологических исследований определили влияние социологии на оба исследования.

Российская социология села советского периода интенсивно развивалась с 60-х годов XX в. и достигла серьезных результатов, представленных в трудах Ю. В. Арутюняна, Т. И. Заславской и др. исследователей.

В постсоветское время катастрофическое по масштабам вымирание российской деревни вдохновило, может быть вызревших к тому времени, немало исследовательских проектов по селу, давших ценные материалы. Первое, что обращает внимание, — это разнообразие проблем современных исследований по селу, применённых подходов и методик. Наряду с социально-экономическими

исследованиями, представлены историко-социологические, социально-географические, социально-правовые и другие.

В историко-социологических исследованиях последних 15 лет отметим три, на наш взгляд, наиболее важных направления. Первое посвящено анализу уроков столыпинской аграрной реформы. В документах, мемуарах и в переписке оно полно представлено в сборнике «Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод» [2]. Наряду с основными идеями столыпинской аграрной реформы в сборнике впервые дан анализ идейных истоков зарождения в России хуторского движения.

Второе направление историко-аграрных исследований охватывает период от Октябрьской революции до начала Второй мировой войны. Историки заново осмысливают аграрные отношения, складывавшиеся в деревне перед коллективизацией и в период ее развертывания. К сожалению, рассмотрение этого периода очень политизировано.

Третье направление исторических исследований социальных проблем села посвящено реформаторскому направлению в отечественной аграрно-экономической мысли послевоенного времени [3].

К этому направлению, которое по существу разрабатывало альтернативную официальную программу развития аграрной сферы и общества в целом, нужно, прежде всего, отнести В. Г. Венжера и испытавших его влияние И. Н. Буздалова, Т. И. Заславскую, Р. К. Иванова, Г. С. Лисичкина, Л. В. Никифорова, Г. И. Шмелева и др.

Работа ученых в это время напоминала, как пишет Т. И. Заславская, работу на «минном поле». Не случайно их научно-биографические статьи названы «Мой тернистый путь в жизни и науке» (И. Н. Буздалов), «Трудный поиск истины» (Г. И. Шмелев) и т. д.

Исследования Центра крестьяноведения и аграрных реформ, проведенные в 1990–2001 годах под научным руководством Т. Шанина, отличаются целеустремленностью и последовательностью [4]. В трех последовательных исследованиях, проведенных Центром крестьяноведения с 1990 по 2000 г., был собран и проанализирован большой материал по сельской России. Первое исследование включало развернутые автобиографии

124 сельских семейств 25 сёл из восьми регионов России, второе — семь сёл, представляющих разные по характеру семь регионов России. В них изучалась реальная экономика, и потенциал развития села. Третье исследование было сфокусировано на неформальной социально-экономической структуре села.

Методологию этих исследований авторы назвали рефлексивным крестьяноведением. «В основе метода рефлексивного крестьяноведения, — пишет Т. Шанин, — лежит особо глубокое осознание субъективности объекта общественных наук» [5, с. 12]. Далее идет следующее разъяснение: «Мы назвали двойной рефлексивностью соотношение между: а) тем, что наблюдается исследователем; б) влиянием исследователя на изучаемый объект и их взаимовлиянием; в) субъективностью объекта, выражающейся главным образом в том, как объект исследования определяет и объясняет поступки и сделанный им выбор... Этот «треугольник» стал ядром нашей методологии и ее отправной точкой как в полевой работе, так и в интерпретации результатов» [6, с. 81].

Далее следует отметить труд Института географии РАН, в 2001 г. выпустившего коллективную монографию «Город и деревня в Европейской России», посвященную столетию выхода классической монографии В. П. Семенова-Тянь-Шаньского «Город и деревня в Европейской России». Авторы поставили перед собой задачу понять и заново подытожить развитие города и деревни в Европейской России на протяжении века [7].

С полным основанием можно утверждать, что они блестяще справились с поставленной задачей. Книга уникальна по энциклопедичности представленного в ней статистического, географического и социологического материала. Помимо глав с многочисленными картами, графиками и таблицами (всего 100 рисунков и 90 таблиц) монография дополнена пятью приложениями. В 2003 г. «Новое издательство» в Москве выпустило монографию Т. Нефедовой «Сельская Россия на перепутье», в которой исследовались сельский образ жизни и сельское хозяйство, «где бы они не встречались и кем бы не практиковались: бывшими колхозами, совхозами, жителями села и фермерами, горожанами на приусадебных, дачных или са-

довых участках». Не будет преувеличением, если констатировать, что эти работы сотрудников Отдела экономической и социальной географии Института географии РАН обозначили важнейшую веху в развитии аграрной социологии в нашей стране.

Среди социально-экономических проектов обращает внимание проводимый ежегодно с 2000 г. мониторинг социально-трудовой сферы села Всероссийским НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН. Руководитель центра мониторинга Л. В. Бондаренко показывает, что за пятилетие (с 2000 по 2005 г.) уровень экономической активности среди лиц трудоспособного возраста снизился до 74% [8]. По результатам опроса, сопровождающего мониторинг, в 2000 г. не выразили желание работать 66,6% опрошенных, а в 2005 г. — 72,1%. Мониторинг показывает, как систематически происходит на селе девальвация главного капитала — человеческого.

Исследования в Лаборатории социальных проблем села и социальной инфраструктуры Института социально-экономических проблем народонаселения РАН велись под руководством В. В. Пациорковского. В 1991–1995 гг. здесь были проведены разовые и повторные исследования домохозяйств в Белгородской, Ростовской, Волгоградской областях, в Краснодарском крае и Республике Чувашия [9].

Главная проблема российской социологии села заключается в том разрыве, который существует между ее результатами и рекомендациями и реальной сельской жизнью и практикой управления агросферой. С одной стороны, в социологии села всё еще преобладает описательный, а не проективный подход, с другой — у наших селян нет развитых форм гражданского самовыражения, которые могли бы востребовать результаты социальных исследований. Их социальные недовольства и протесты чаще всего принимают индивидуальные формы и не могут служить действенным средством обратной связи для властей. Самое худшее в том, что наш крестьянин свыкся с тем, что ничего изменить не может. Поэтому он постоянно приспособливается к ситуации, вместо того чтобы накапливать опыт отстаивания своих интересов и изменения ситуации в желательном направлении. Его протестные действия

нередко принимают алкогольные формы с пагубными последствиями. В результате он оказывается политически и экономически незащищенным.

В исследованиях социальных проблем российского села двух последних десятилетий, о которых говорилось выше, определились два взгляда на перспективы российского села. В своих крайних и соответственно чётких формах эти взгляды представляет публицистика, которая опирается на результаты исследований аграрных социологов и экономистов.

Виктор Бирюков, член правления Российского союза промышленников и предпринимателей, генеральный директор агрохолдинга «Талина» (Республика Мордовия), в статье «Плач по сельской школе» (Крестьянская Русь. 2011, сентябрь. №38) пишет: «Бесперспективно возрождать село ради самого села, без экономического обоснования, и такую позицию всё чаще разделяют авторитетные учёные... Сегодня точками роста агропрома становятся не деревни с хуторами, а райцентры: малые города или посёлки городского типа — исторически сложившиеся очаги цивилизации на бескрайних просторах России...»

Можно, конечно, лить крокодиловы слезы по поводу закрытия сельских школ и продлевать жизнь мелким деревням за счёт налогоплательщиков. Но процесс-то объективен... Давайте-ка перенесемся мысленно на тысячи лет назад — в то далекое прошлое, когда пращурь научились рубить избы и стали переселяться из пещер в дома. Как вы думаете, горевал ли кто-нибудь по этому поводу? Наверняка нет...

У сторонников сохранения деревень имеется следующий «несокрушимый» аргумент: территории должны быть заселены. Тезис об обязательном заселении загородных пространств напоминает о Монгольской империи...

Главное в ситуации «прощания с селом» — сохранять для потомков информацию о пустеющих деревнях, ставить памятные знаки...»

Не случайно эти слова вышли из-под пера представителя союза промышленников и предпринимателей — представляющего техногенно-рыночную цивилизацию. Рацио-

нализм и голый экономический расчет («голый»), потому что не социально-экономический) не могут быть приемлемыми методами решения такого объемного, социально значимого вопроса, как вопрос о будущем села. Тем более не допустимы аналогии с явлениями, имевшими место миллионы и сотни лет назад (переход от пещерного образа жизни к надомному и эпоха Чингисхана).

Автор полностью отвлекся от современной мировой социально-экологической и демографической ситуации, от рисков, исходящих от мегаполисов, и ещё от многих тревожных тенденций. К тому же он совсем не представляет себе масштабы социально-гуманитарной катастрофы, связанной с реализацией его предложения сосредоточить в райцентрах всю сельскую социально-экономическую жизнь, а остальные сёла, деревни и хутора бросить на погибель. Не представляет автор и никаких других социальных функций села, кроме экономических.

Ответ сторонников сохранения села не заставил себя ждать.

В том же номере газеты, в котором представлены идеи В. Бирюкова, дана статья И. Ермаковой, международного независимого эксперта от России в комитете НАТО «Наука за мир и безопасность». Она пишет: «Угроза, которую представляет для природы современная цивилизация, столь велика, что некоторые радикальные экологические активисты призывают отказаться от комфортного существования во имя спасения жизни на Земле. Способы предлагаются такие: сокращение численности населения благодаря разумному воспроизводству и возврат к архаичным технологиям (простое сельское хозяйство, охота, индивидуальное производство)».

В следующем, 39-м номере «Крестьянской Руси» (сентябрь, 2011) появилась статья врача и эколога Вл. Симонова «Все — в деревню!». «Мне и моим единомышленникам из движения «Звенящие кедры России», — пишет он, — совершенно ясно, что Россия должна стать аграрной страной с новой системой земледелия — биологической... Во имя оздоровления биосферы и спасения человечества требуется существенное сокращение количества автомобилей, самолетов и прочих машин, нужно значительно снизить механическую обработку сельскохозяйствен-

ных угодий и их обработку химией... Понятно, что такая радикальная перестройка общества невозможна в рамках индустриальной цивилизации...

...Проблема в том, что к описанному образу жизни человечество придет вынужденно. Не за горами лавинообразное наращивание происходящих уже на наших глазах природных и техногенных катастроф. При этом именно городская инфраструктура наиболее подвержена воздействию внешнего влияния, и поэтому именно по горожанам будет нанесен главный удар обидевшейся на нас природы... Я думаю, что именно Россия сегодня готова к осуществлению аграрного духовного общества.

Научно-технический прогресс в XIX и в начале XX веков прогнозировали и К. Маркс, и Сен-Симон, и О. Кант, и М. Вебер и другие мыслители. Они правильно описали многие особенности наступающей индустриальной цивилизации.

Великий философский вопрошатель XX в. М. Хайдеггер в «Разговоре на просёлочной дороге» (кстати, для итоговых своих философских бесед он выбрал просёлочную дорогу, а не городскую площадь) говорил, что «в некотором смысле атомная бомба взорвалась уже в поэме Парменида» [20, с. 148]. Какой смысл имел в виду М. Хайдеггер? Он имел в виду научный смысл: в поэме Парменида о природе содержались зримые черты будущей науки.

Глашатаи научно-технической цивилизации не могли во всём объеме представить её социальные последствия. То, что явилось на смену классическому индустриальному обществу, получило название постиндустриального. Постиндустриальная цивилизация не есть простое, линейное продолжение индустриальной цивилизации, она отрицает многое из того, что явилось следствием научно-технического прогресса.

Что дал непосредственно людям научно-технический прогресс? В сфере экономики и быта его результаты восхитительны — они превзошли ожидания. Но ведь ни экономика, ни техника, ни устроенный быт сами по себе не имеют ценности, если не соотносятся с качеством человеческой жизни, не делают человека счастливым. Жизнь дается человеку один раз и стремление человека к счастью

естественно. Поэтому логично спросить: «Что для счастья людей дал научно-технический прогресс?».

Связь богатства с расточительством, — говорит Ж. Бодрийяр, — характеризует современную цивилизацию как цивилизацию «мусорной корзины», и мы вправе предполагать «социологию мусорной корзины» [21, с. 66].

«Социология мусорной корзины» отталкивалась от структуры статистики мусорных свалок переходит к рассмотрению структуры общества, осуществляя стратификацию респондентов по тесту: «Скажи мне, что ты выбрасываешь, и я скажу, кто ты». Но у этой социологии есть еще одно направление. Времена, когда город представлялся носителем прогресса и олицетворял светлое будущее человечества, а село рассматривалось носителем отсталости и архаики, — прошли. Сейчас отстаивать такую позицию — значит отставать на 100–150 лет от развития социально-гуманитарных наук и от практики.

Всё больше сторонников становится ныне у теории «параллельных миров», согласно которой село и город хоть и связаны между собой, но живут каждый своей жизнью, а вместе они — костяк общества. Нам представляется еще более адекватной модель «сообщающихся сосудов». Однако в наши дни такая система сообщающихся сосудов катастрофически загрязняется одним из «сосудов» — городом.

Деревня эта успешно решает вопросы рекреации горожан и улучшения качества их питания. Автор публикации А. Белуза пишет: «Кризис многих уже подтолкнул к мысли, что пережить его можно, вернувшись в родную деревню. И многих еще подтолкнет в поисках тихой гавани — сдать, например, квартиру в Москве и приехать в деревню не только на лето — на постоянное место жительства».

Все эти факты говорят о тенденции, открывающей человеку XXI века новые горизонты. В 60-х годах XX века в мощных революционных выступлениях европейской молодежи родилась и вскоре стала воплощаться в жизнь в разных формах идея рурального (сельского) ренессанса. Сельское возрождение проявилось в том, что часть молодежи организовала свои сообщества на селе и в

многосторонней деятельности «зеленых», и в экопоселениях, и в общинно-поддерживаемом земледелии, и в аграрных программах большинства политических партий, и в создании горожанами «спальных» сёл и во многом другом.

Сельское возрождение не приемлет узкохозяйственный и узко-экономический взгляды на село и сельское хозяйство. Оно требует от общества гуманитарного их понимания. И таких же для села гуманитарных критериев, с которыми общество подходит к образованию и здравоохранению. Во всех странах ведется пропаганда такого понимания села, и эта пропаганда есть составная часть сельского возрождения. Есть много удачных сельско-ренессанских книг, например, «Революция одной соломинки» японца Масанобу Фукуока и «Пахари и скотоводы» россиянина С. Ф. Ковалева.

Сельское возрождение решает задачу всемирно-исторического значения: оно испытывает ценности, смыслы и нормы, выработанные тысячелетиями крестьянством и сельским укладом жизни для ответа на вызовы техногенной цивилизации и урбанизма.

Для России значимость села и сельского возрождения прямо пропорциональна её огромным территориям.

XXI век будет «зелёным», в противном случае он будет чёрным.

Литература

1. *Желтов В. В., Желтов М. В.* История западной социологии: этапы, идеи, школы. — М., 2010.
2. Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод / сост. А. В. Гутерц. — М.: Русский путь, 2003.
3. Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950–1990-е гг.). — М.: ВИАПИ, 1999.
4. Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. — М., 2002.
5. *Шанин Т.* Рефлексивное крестьяноведение и русское село. // Рефлексивное крестьяноведение. — М., 2002. — С. 12.
6. *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. // Рефлексивное кре-

стьяноведение. — М., 2002. — С. 81.

7. Полян Г., Нефедова Т., Трейвиш А., Лухманов Д., Титков А., Сафронов С. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. — М.: ОГИ, 2001.

8. Состояние социально-трудовой сферы и предложения по ее регулированию. — М.: ИЭ, 2007. — С. 28–29.

9. Пацюрковский В. В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. — М.: Финансы и кредит, 2003.

10. Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. — М.: Наука, 2000.

11. Староверов В. И. Сельская социология. — М., 2003.

12. Староверов В. И. Результаты либеральной модернизации российской деревни. // Социс. — 2004. — №12.

13. Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России. — Новосибирск, 2000.

14. Великий П. П. Российское село: кризис созидания. // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе. Том 16. — М., 2006. — С. 94–96.

15. Хагуров А. А. Аграрная реформа на Кубани. Проблемы и перспективы. Москва. 1993; см. также: Человеческий капитал современного российского села. / Под ред. З. Т. Голенковой, А. А. Хагурова. — М., 2006.

16. Никулин А. Крупхозы современной России: варианты развития. // Рефлексивное крестьяноведение. — М.: МВШСЭН, 2002.

17. Широкалова Г. С. Аграрный вопрос в политической борьбе современной России. — М., 1993.

18. Ильин И. Е. Аграрная реформа в России. — Чебоксары, 2005.

19. Михеев П. А. Интеграционные процессы в сельском социуме изменяющейся России: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. — Саратов, 2007.

20. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. — М.: Высшая школа, 1991.

21. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Республика, 2006.

22. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по её регулированию: доклад по результатам мониторинга 2010 года. — М.: МСХ РФ, 2011.

23. Экономика природопользования. — М.: МГУ, 2006.

24. Кондрашов А. П. Новейший справочник уникальных фактов. — М., 2009.

25. Духовный мир человека. / Энциклопедия. — М., 2006. — С. 551–559.

Поступила в редакцию

12 ноября 2012 г.

Айтеш Аюбович Хагуров — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра исследований социальной структуры, руководитель сектора социологии села (г. Краснодар).

Aytech Ayubovich Khagurov — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, leading researcher at the Center of Researching a Social Structure, chief of Countryside Sociology department (Krasnodar).

350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13
13 Kalinina st., 350044, Krasnodar, Russia
Тел.: +7 (8612) 56-04-56; e-mail: hagurov6@mail.ru